

КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15-го сентября № 18. 1865 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПОУЧЕНІЕ ВЪ НЕДѢЛЮ 14-ю.

Вѣрою стоите (2 Кор. 1 24).

Это слова апостола Павла къ христіанамъ, отличавшимся вѣрою.

Вѣрою стоите. Вы тверды вѣрою. Глубокая и очень важная для христіанъ истина! Съ вѣрою все свѣтло, знаешь, куда идешь, и путь, которымъ нужно идти; шаги твои тверды, намѣренія ясны, убѣжденія прочны, духъ бодръ, нѣтъ мучительныхъ сомнѣній и жизнь течетъ тѣмъ порядкомъ, какой предписываютъ ей правила вѣры и Богъ. Безъ вѣры все шатко, сумрачно, туманно; жизнь, какъ мракъ ночи; идешь, и не знаешь туда ли, куда нужно, и такъ ли идешь, живешь и даже не знаешь, для чего это живешь, и куда приведетъ тебя жизнь, и какъ расположить лучше жизнь, такъ ли, какъ велитъ голосъ, слышимый съ высоты богоподобнаго духа нашего, или такъ, какъ внушаетъ низшая животная природа

наша. Безотрадная неизвѣстность, мучительныя сомнѣнія! Этихъ сомнѣній, этой неизвѣстности, говорю, нѣтъ тамъ, гдѣ есть вѣра. *Вѣрою стоите.* Съ вѣрою вы тверды, съ вѣрою у васъ земля подъ ногами.

Какъ солнце надъ головою нашею, въ самой высотѣ безграничной области вѣры нашей, свѣтитъ главное свѣтило этой области Богъ—первый предметъ вѣры. Человѣкъ безъ вѣры, другими словами, пустой человѣкъ, по легкомыслію или по упрямству, чтобы только идти на перекоръ общимъ убѣжденіямъ, отвращаетъ свои глаза отъ этого солнца, старается убѣдить себя, что его нѣтъ, что онъ не видитъ его ни тѣлесными ни умными очами, и—весь міръ въ его глазахъ дѣлается произведеніемъ случая, то есть того, чего понять никакъ нельзя, что неподходитъ ни подъ какія соображенія. Скажите, что понятнѣе: Богъ ли, всемогущимъ словомъ и хотѣніемъ полагающій начало міру, или *случай*, ни съ того ни съ сего обнаруживающій въ себѣ способность образовать такое премудрое дѣло, какъ міръ?

Если случай есть начало міру, то и въ основаніи человѣческой жизни лежитъ тотъ же случай: все случайно! Родился ты случайно и умрешь случайно; случаю ты обязанъ счастіемъ, случай несетъ тебѣ и несчастія. Человѣкъ безъ вѣры, предавшій всю жизнь міра случаю, по какому-то странному недоразумѣнію, любитъ однако доискиваться всему причинъ. Странное противорѣчіе!

Вѣрующій, въ минуты, когда нужно облегчить горе сердца, знаетъ куда обратить свои глаза съ мольбою: онъ возводитъ ихъ къ небу. Невѣрующій растерялся бы, куда въ такомъ случаѣ обратить ихъ. Ему остается поникнуть въ себя: отъ того-то онъ такъ и близокъ къ отчаянію!

Другой и столь же великій предметъ нашей вѣры Христосъ-искупитель. Я свѣтъ міру, говорилъ Онъ, Я путь, истина и жизнь для міра. И точно лучшаго пути, болѣе вѣрнаго руководителя къ жизни, какъ ее слѣдуетъ вести человѣку, чтобъ быть достойнымъ себя, мы, если бы и искали, не нашли бы. Чтобы жить, какъ требуетъ цѣль и человѣческое достоинство наше, намъ нуженъ образецъ, и притомъ не воображаемое что либо, чего, такъ сказать, нельзя осязать, а образецъ живой, который бы былъ какъ бы предъ глазами, и которому мы могли бъ подражать. Гдѣжъ найти образецъ этотъ? Мы углубились бы въ исторію. Тамъ много великихъ именъ: Моvсей, правитель израильтянъ,—но внутренняя жизнь его намъ мало знакома; съ него могли бы брать образецъ особенно правители народовъ. Ной... Авраамъ; послѣдняго высоко поднимаетъ въ глазахъ нашихъ самоотверженіе, съ которымъ онъ готовъ былъ изъ послушанія воли Божіей заколоть въ жертву даже сына своего. Давидъ царь, но и онъ очевидно скорѣе можетъ быть примѣромъ для царей, чѣмъ для всѣхъ. Можетъ быть, иному вспало бы на умъ отъ священныхъ лицъ перебросить свою мысль къ именитымъ лицамъ исторіи гражданской, но искать ли образца въ столь знаменитыхъ добродѣтелію и честностію Сократѣ, Аристидѣ? Напрасно; здѣсь мы вездѣ нашли бы свѣтъ пополамъ со тьмою, нѣкоторые добродѣтели, рука объ руку съ самыми грубыми пороками. Бывало даже и такъ, что чѣмъ кто былъ порочнѣе, тѣмъ онъ и знаменитѣе. Одинъ образецъ, одно солнце, блещущее среди міра непомраченнымъ свѣтомъ, это Господь Іисусъ Христосъ. Тутъ все, чему могли бы подражать не люди только, а и ангелы: послушаніе Богу и Отцу, кротость, незлобіе, милосердіе, снисходитель-

ность, смиреніе, любовь къ человѣчеству, состраданіе къ несчастнымъ, благотворительность, терпѣніе, любовь къ самымъ врагамъ, наконецъ смерть за истину и за спасеніе всѣхъ.

Безсмертіе и жизнь послѣ этой жизни—третій важнѣйшій предметъ вѣры. Есть безсмертіе: тогда жизнь наша безспорно имѣетъ цѣну, становятся нужными правила жизни; высшія стремленія духа—не мечта и самообольщеніе, которыя должны разлетѣться въ прахъ; добродѣтель и порокъ не одно и тоже, и колебаніе между выборомъ того и другого невозможно въ минуты полнаго самосознанія. Нѣтъ безсмертія и суда будущаго, и все тогда колеблется, рушится подъ вашими ногами, добродѣтель теряетъ цѣну, грубое самоудовлетвореніе становится цѣлію жизни, самая жизнь теряетъ опору, потому что къ чему она? съ жизнію связаны труды: къ чему они, когда все развѣетъ буря смертная? къ чему лишеніе, самоотверженіе, все, что нравственно-свято, благородно, когда всему конецъ одинъ—ничтожество.

Вѣра все, безъ вѣры мы ни что. Въ обыденной жизни и тутъ вездѣ и во всемъ поддерживаетъ насъ вѣра. Вѣра, говоритъ одинъ изъ святыхъ учителей церкви, заставляетъ поселянина ввѣрять сѣмена землѣ, въ надеждѣ, что она возвратитъ ему ихъ съ избыткомъ, вѣра рѣшаетъ купца ввѣрять грузъ свой непостоянству водяной стихіи. Общественныя отношенія, дѣла всѣ держатся на вѣрѣ.

Вѣра все для насъ. Безъ вѣры мы ни что. Пожалѣемъ же, еслибъ у насъ оказалось мало вѣры, и постараемся оживить ее въ себѣ. Чѣмъ больше будетъ вѣры въ насъ, тѣмъ тверже будемъ въ жизни. *Вѣрою стоите.* Аминь.

С. А. К.

О БРАКѢ ВЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ГРЕКО-ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

(Продолженіе)

Однимъ изъ предварительныхъ требованій для браковъ было издревле, какъ выше сказано, обрученіе. Было оно ничто иное, какъ обоюдное соглашеніе на законный бракъ между имѣвшими вступить въ него или между ихъ родителями и опекунами, иначе: взаимное обѣщаніе другъ другу двухъ лицъ разнаго пола вступить въ опредѣленное время въ законное супружество. Какъ предварительное соглашеніе, дѣлалось оно у грековъ и римлянъ за долго до брака, и за частую даже слишкомъ рано: обручали напримѣръ шестилѣтнихъ дѣтей. Поводомъ къ такимъ преждевременнымъ обрученіямъ была нетерпѣливая поспѣшность родителей, желавшихъ поскорѣй пристроить дѣвицу, и проложить заранѣе обручившимся путь къ тѣснѣйшему сближенію чрезъ ежедневное обращеніе.

Соглашеніе могло быть частнымъ домашнимъ дѣломъ; но для большей его прочности изстари съ нимъ старались соединять извѣстные залоги (arrha), приданное (dos nuptialis), и извѣстную торжественность. Уже греческой древности не чужда эта торжественность, имѣвшая цѣлію сообщить нѣкотораго рода освященіе будущему бра-

ку и поставить его съ самаго начала подъ покровительство боговъ. Если историческіе памятники не показываютъ ясно, на сколько въ этомъ дѣлѣ участвовалъ жрецъ, то по крайней мѣрѣ то достовѣрно извѣстно, что обрученные, подобно какъ и бракосочетавшіеся, посѣщали храмы, приносили жертвы, вопрошали оракуловъ. Въ Римѣ вмѣстѣ съ этимъ соединяли извѣстные символы какъ подарокъ, обручальное кольцо (annulus pronubus) и взаимное цѣлованіе. Въ послѣднее время, съ ослабленіемъ религіозно-нравственной стороны вообще, эта торжественность въ римскомъ обществѣ потеряла свою силу и дѣйствовало больше правило: consensus facit nuptias, согласіе составляетъ бракъ; но не могли утратить значенія договоры, задатки. По поводу съ одной стороны слишкомъ укоренившагося обычая заключать обрученія въ очень раннемъ дѣтскомъ возрастѣ, съ другой, въ слѣдствіе натурально вытекавшихъ отсюда частыхъ случаевъ нарушенія такихъ преждевременныхъ договоровъ и возникавшихъ оттуда жалобъ и замѣшательствъ, законодательство римское сочло своимъ долгомъ взять эти договоры подъ свой надзоръ и опредѣлить возрастъ, въ которомъ они могутъ быть заключаемы. Снисходя однако къ обычаю, оно опредѣлило законнымъ возрастомъ обрученія первыя лѣта, въ которыхъ предполагается пониманіе поступка, семилѣтній возрастъ. Церковь должна была пока согласиться принять этотъ возрастъ *). Но это не могло заставить ее быть снисходительной къ нарушеніямъ, которыхъ такой законъ

---

*) Этотъ возрастъ изъ римскихъ законовъ цитуется какъ дѣйствующее правило и въ 109 новеллѣ Льва философа, заключающейся въ нашей Кормчей. Гл. 49 л. 174.

далеко не могъ предотвратить. На обрученіе церковь смотрѣла съ высшей точки зрѣнія, какъ и на бракъ. Обѣщанія въ такомъ важномъ дѣлѣ, по ея мысли, должны были исполняться свято. Близкое обращеніе между обрученными обращало ея вниманіе на то, чтобы изъ него не выходило нечистоты и блудодѣянія. По этому съ самыхъ первыхъ дней видны ея усилія сообщить обрученію священный характеръ и въ значеніи приблизить его къ браку. Ветхозавѣтная церковь представляла ей на глаза образецъ этого. Законъ Моусеевъ приравниваетъ нѣкоторымъ образомъ обрученіе къ самому браку, и нанесшій оскорбленіе обрученной представляется какъ нарушитель чужаго брака (Втор. XXII. 24). Обручальная торжественность, остатки которой еще сохранялись въ высшей, патриціанской части римскаго общества, могла быть для этой цѣли какъ нельзя больше полезна церкви; нужно было только освятить ее и проникнуть своимъ духомъ. Это церковь не замедлила сдѣлать.

Она требовала прежде всего, чтобы *крѣпкая мысль пояти себѣ кого либо въ мужа или жену* (чинопосл. обруч.) высказывалась предъ епископомъ, чтобы бракъ заключался не по минутной страсти, а о Господѣ (Игн. къ Полик. гл. V). Какъ скоро съ согласія епископа и духовенства и въ ихъ присутствіи заключены были договоры о приданомъ и по римскому обычаю обмѣнены кольца и подарки, то чрезъ это уже возникала мысль о религіозной въ отношеніи другъ къ другу обязательности обручившихся и вѣрности обѣщанію. Такъ какъ для церкви важно было тутъ именно это обѣщаніе, то для ней уже было все равно при этомъ, какъ если бы бракъ уже былъ заключенъ. Такимъ образомъ обрученіе

и вступленіе въ бракъ для церкви скоро стали такъ сказать на одной линіи. Это приравненіе обрученія къ самому браку высказывается отчасти у Василія Великаго въ 69 его правилѣ, гдѣ чтецъ смѣсившійся съ своею обручницею судится гораздо легче. Въ 98 правилѣ 6 Вселенскаго собора эта идея высказывается уже ясно и опредѣленно *).

Какъ ни истинна въ себѣ эта идея церкви, однако ея примѣненіе, при такомъ раннемъ возрастѣ, въ какомъ обыкновенно приступали къ обрученіямъ, скоро должно было отозваться немаловажными затрудненіями въ быту общественномъ. Пока государство не знало или не хотѣло знать церкви и того, какъ она думаетъ о дѣлѣ брачномъ, до тѣхъ поръ церковь одна и могла имѣть дѣло съ этими затрудненіями. Еще въ началѣ V вѣка, то есть спустя почти два столѣтія послѣ воцаренія христіанства, невидно, чтобы государство считало бракъ дѣломъ церковнымъ. По установленію императора Ѳеодосія и Валентиніана III (428 года) для вступленія въ бракъ считалось достаточнымъ, если брачная чета была равною по званію, и если взаимное согласіе дано ею при узаконенныхъ свидѣтеляхъ. Можетъ быть, множество остававшихся еще язычниковъ не дозволяло правительству въ такомъ для всѣхъ партій государства важномъ дѣлѣ рѣшительно стать на сторону церкви. Этого однако избѣжать ему было нельзя. Гарантіи законнаго брака, съ цѣлію стѣсненія конкубината придуманныя римскимъ закономъ, были слишкомъ слабы и нич-

*) Жену, иному обрученную, берущій въ брачное сожитіе при жизни еще обрученника, да подлежитъ винѣ прелюбодѣянія.

тожны. Ничего не стоило находить свидѣтелей, которыхъ не пугали строгіе законы за лжесвидѣтельство и которые живущихъ въ конкубинатѣ выдавали за супруговъ. Чтобъ положить этому конецъ, а съ другой стороны, чтобы дать наконецъ нѣкоторое мѣсто въ государственномъ строѣ и церковно-христіанскому взгляду на бракъ, Юстиніанъ въ 537-мъ году обнародовалъ новеллу (74-ю), которою повелѣвалось, лицамъ высшихъ состояній (senatores et illustres) не заключать брака безъ письменнаго акта о приданомъ (dos, donatio propter nuptias), лицамъ среднихъ состояній, въ случаѣ если не хотятъ имѣть форменнаго брачнаго акта, объявлять о своемъ намѣреніи и желаніи въ церкви предъ екдикомъ ея, который долженъ былъ при трехъ или четырехъ духовныхъ лицахъ составить здѣсь о томъ удостовѣреніе и, или вручить его самимъ брачущимся, или оставить въ церковномъ архивѣ; и только людямъ простымъ, поселянамъ и рядовымъ солдатамъ заключать браки безъ формальностей и памятей. Всякой видѣть можетъ, что это было лишь нѣкоторымъ началомъ сближенія въ дѣлѣ брачномъ государства съ церковію. Это сближеніе пошло быстрѣе съ тѣхъ поръ, какъ церковь опредѣлительно и открыто высказала свой взглядъ на обрученіе на 6 Вселенскомъ соборѣ въ упомянутомъ уже нами правилѣ. Это правило не замедлило войти въ изданія греческихъ законовъ, въ эклогу (740 г.), Прохиронъ (870 г). Когда такимъ образомъ уже самыми гражданскими законами дано было обрученію значеніе почти равное съ значеніемъ самаго брака, правительству видна стала неотложная нужда, сблизить время обрученія съ временемъ брака, чтобы этимъ отвратить затрудненія, которыя возникали изъ рановременныхъ обрученій и

которыя тѣмъ важнѣе становились, чѣмъ больше пріобрѣталъ значенія и въ церкви и въ законахъ гражданскихъ актъ обрученія. Этимъ озаботился императоръ Левъ мудрый или философъ (901—911 г.), и за тѣмъ императоръ Алексѣй Комнинъ (1084 г). Первый 74-ю новеллою вмѣнилъ церковное обрученіе въ обязанность всѣмъ *свободнымъ* людямъ, и указывая на противорѣчіе доселѣ существовавшее между 98-мъ правил. трульскаго собора и временемъ обрученія по гражданскимъ законамъ, опредѣлилъ возрастъ для послѣдняго 14-ть лѣтъ для мужеска пола и 12-ть для женскаго, объединивъ тѣмъ время обрученія съ временемъ брака. Послѣдній своею золотою буллою, предоставивъ брачущимся самимъ по своему усмотрѣнію отдѣлять время брака нѣкоторымъ, небольшимъ впрочемъ, промежуткомъ отъ времени обрученія, поставляетъ въ законъ и обручаться и вступать въ бракъ по церковному обряду всѣмъ безъ исключенія— и свободнымъ и *рабамъ* *).

Кстати и въ поясненіе замѣтимъ здѣсь, съ какимъ трудомъ прививались къ массѣ народа чистыя христіанскія идеи вообще и высокая идея христіанства о бракѣ въ частности. Въ XI вѣкѣ еще рабы исключались изъ права и обязанности обручаться и вѣнчаться по обряду церкви. Въ началѣ исторіи русской церкви мы встрѣчаемся съ тѣмъ же печальнымъ фактомъ. Объ этомъ фактѣ говорятъ жалобы святителей того времени, что простой народъ не считалъ долгомъ вѣнчаться въ церкви, и многіе жили съ женами безъ церковнаго благословенія, какъ поганые. Вотъ и объясненіе этому по-

*) См. въ нашей Кормчей *новую заповѣдь благ. царя Алексія Комнина* гл. 43 л. 34. 35 и далѣе.

слѣднему факту, или лучше предубѣжденію. Начало ему положено еще рано въ римской исторіи. Еще тамъ, въ первыя времена Рима, религіозный обрядъ (sacra confarreatio) освящалъ браки только жрецовъ и патриціевъ, плебеи обходились безъ него. Въ послѣднія времена республики, съ ослабленіемъ въ Римѣ религіознаго элемента, какъ сказали мы выше, изчезъ онъ и въ патриціанскихъ фамиліяхъ. Настали времена христіанства: но и въ христіанствѣ онъ легче прививался сначала опять только въ фамиліяхъ патриціевъ. Приведенный нами законъ Юстиніановъ оставляетъ браки простыхъ людей безъ всего. Законъ Льва премудраго также какъ будто обходитъ ихъ. Законъ императора Алексѣя Комнина объ обрученіи и вѣнчаніи *всѣхъ* прошелъ также не безъ тревогъ. Онъ встрѣтилъ глубокое неудовольствіе господъ и рабовладѣльцевъ, которымъ казалось, что молитвословіе обручальное рушитъ отношенія къ нимъ рабовъ ихъ. Въ началѣ уже 12-го вѣка одинъ каппадокійскій священникъ Василій обращался къ ѳессалоникійскому архіепископу Никитѣ съ жалобою, что не смотря на прямой указъ императора Алексѣя Комнина, предписывающій молитвы обрученія и для браковъ рабовъ, нѣкоторые изъ владѣльцевъ сомнѣвались въ дѣйствительности такаго указа. Согласно прошенію этаго священника, архіепископъ собственноручно засвидѣтельствовавъ дѣйствительность указа и уполномочилъ мѣстныхъ пастырей побуждать владѣльцевъ къ тому, чего требовало отъ нихъ христіанство, подъ угрозою отлученія. Какъ и какими путями это предубѣжденіе древняго Рима и средневѣковой Византіи перешло на нашу почву, прослѣдить трудно. Одно можно видѣть, какъ бываютъ живучи эти предубѣжденія.

Законодательство греческихъ императоровъ сопоставленіемъ обрученія съ бракомъ и сближеніемъ ихъ во времени, удовлетворивъ церкви, не удовлетворило народа. Время обрученія послѣднему казалось слишкомъ позднимъ и даже излишнимъ при скоромъ бракѣ. Родители, заботясь о пристроеніи своихъ дѣтей, по прежнему заранѣе спѣшили заключать акты обручальные, которые за частую въ послѣдствіи нарушались, и объявляли въ судахъ, что они готовы уплачивать за неустойку. Чтобы избѣжать на будущее время этой запутанности, тѣмъ же императоромъ Алексѣемъ Комнинымъ обрученія раздѣлены были на обрученіе гражданское неполное, и на обрученіе въ собственномъ смыслѣ или церковное. Имѣлось въ виду кромѣ того при обрученіи гражданскомъ, какъ оно было совершено, торжественно ли и при договорѣ, или просто безъ всего.

а) Обрученіе гражданское и при томъ съ договоромъ: (stipulatio) оно состояло въ томъ, что невѣстѣ при обрученіи даваемъ былъ подарокъ, кольцо по древнему обычаю и взаимное цѣлованіе. Оно не могло заключаться ранѣе 7-ми лѣтъ, но отъ 7-ми лѣтъ и далѣе такія обрученія были возможны. По древнеримскому еще закону такое обрученіе давало жениху право жаловаться на нарушеніе обрученія. Церковь, считавшая своимъ долгомъ содѣйствовать возрастанію христіанства, не могла не взять нѣкоторымъ образомъ подъ свой надзоръ и этаго рода обрученій. Потому на обрученную такимъ образомъ церковь еще до церковнаго молитвословія уже смотрѣла какъ бы на жену, и съ приближеніемъ 12-го года она вводилась уже въ домъ жениха въ качествѣ хозяйки. Второе: обручившись съ одной, уже нельзя было, безъ законнаго разрѣшенія этаго обрученія, вторично обручиться съ дру-

гой. И римскіе законы подобный поступокъ предавали безславію; а церковь запрещала такимъ людямъ вовсе бракъ. Впрочемъ по мѣрѣ того, какъ пріобрѣтало значеніе церковное обрученіе, должно было терять для церкви силу обрученіе гражданское, и наконецъ низойти въ глазахъ ея на степень *простаго соглашенія* или договора, при которомъ если бы и оказывались формальные контракты, то съ ними вѣдалась власть гражданская. Взглядъ этотъ окончательно выработался въ XIV вѣкѣ, и пріобрѣло силу положеніе, что не слова и договоры и не явное или тайное сожительство составляютъ существо брака, а молитвы и пѣсни церкви, и все то, что соединяется съ ними.

б) Что касается до обрученія совершеннаго съ участіемъ молитвъ и благословенія церкви, то усилія церкви сообщить ему силу и крѣпость, равныя почти браку, увѣнчались полнымъ успѣхомъ, такъ что и гражданское законодательство смотрѣло на церковное обрученіе уже почти какъ на бракъ. Потому и дѣйствія или юридическія послѣдствія обрученія были почти тѣже, что и самаго брака. a) Обручившійся не могъ нарушить данное предъ Богомъ обѣщаніе, не сдѣлавшись виновнымъ предъ церковію. б) Послѣ обрученія съ одною дерзнувшій вступить въ бракъ съ другою былъ въ глазахъ церкви двоеженцемъ, такой же подвергался и епитиміи. c) Если бы та, съ которой онъ былъ обрученъ, умерла, то для него возникали тѣже препятствія къ вступленію въ бракъ съ лицами изъ фамиліи обрученной, какія вообще существовали для браковъ въ свойствѣ. d) Обручившійся съ одною, и потомъ за смертію ея вступавшій въ бракъ съ новымъ лицемъ представляемъ былъ церковію, какъ второбрачный. e) Въ XII столѣтіи еще

не разъ возникалъ вопросъ о томъ, законно или не законно дитя, прижитое лицами обрученными церковнымъ обрядомъ, но изъ которыхъ одно умерло прежде, чѣмъ могло быть совершено бракосочетаніе. Вальсамонъ въ толкованіи своемъ на 98 трульское правило объяснялъ, что еще до новеллы имп. Алексѣя Комнина, въ 1084 г., обрученные формальнымъ образомъ во многихъ отношеніяхъ разсматривались въ качествѣ супруговъ. На основаніи какъ этаго правила, такъ и гражданскихъ законовъ, онъ доказывалъ, что дитя, рожденное отъ обрученныхъ церковнымъ порядкомъ, есть дитя законное и имѣющее право на наслѣдство, и что отъ него ничего не отнимаетъ то обстоятельство, что бракъ еще не былъ заключенъ въ послѣднемъ своемъ видѣ.

Такое приравненіе и церковнымъ и гражданскимъ законодательствомъ послѣдствій обрученія къ дѣйствіямъ брака должно было имѣть результатомъ, что старый обычай заключать формальныя обрученія въ раннихъ лѣтахъ долженъ былъ ослабѣть, дѣйствительное обрученіе сблизиться или даже соединиться съ временемъ вѣнчанія, и если для формальнаго обрученія нужно было еще предварительное соглашеніе, то оно предоставлено было волѣ каждаго и разсматривалось, какъ частная предварительная сдѣлка, мало или совсѣмъ не подлежащая вѣденію церкви. И въ XII и въ XIV вѣкѣ еще встрѣчаются отъ времени до времени раннія обрученія, но они разсматриваются уже какъ злоупотребленія, церковь не придаетъ имъ ни какой силы, а священниковъ благословляющихъ такія обрученія подвергаетъ каноническимъ наказаніямъ.

Такъ какъ вѣра христіанская принята нашимъ отечествомъ прежде, чѣмъ силою новеллы императора Алек-

сѣя Комнина произошло полное сближеніе обрученія съ бракомъ въ Греціи, то древняя наша церковь допускала обрученія, какъ въ то время было еще и въ Греціи, отдѣльно и задолго до брака, тѣмъ болѣе, что Кормчая книга, сдѣлавшаяся у насъ извѣстною со времени св. Кирилла Туровскаго, была и есть сборникъ греческихъ церковно-гражданскихъ узаконеній всѣхъ временъ, начиная отъ императора Юстиніана. Только въ 1775 году августа 5-го указомъ Святѣйшаго Сѵнода постановлено, чтобы обрученіе всегда совершалось въ одно время съ браковѣнчаніемъ. Исключеніе изъ этаго опредѣлено только для особъ царской фамиліи, когда они вступаютъ въ бракъ съ лицами иныхъ государствъ и вѣроисповѣданій (указъ Святѣйш. Сѵн. 1796 г. сент. 9.).

Грекоримскіе законы и каноническія правила церкви имѣли также въ виду при обрученіяхъ и бракахъ:

а) Чтобы они совершались дѣйствительно по взаимному согласію брачущихся лицъ, а *не по принужденію* или *по страху*.

б) Чтобы совершались съ *согласія отца и матери*. Еще римскіе законы, сообразно юридическимъ понятіямъ о родительской власти (patria potestas) и составѣ семейства въ римскомъ обществѣ, лишали силы и юридической состоятельности всякой бракъ, заключенный дѣтьми самовластно и безъ согласія отца. Этимъ они имѣли въ виду поддержать въ семьѣ почтеніе, повиновеніе и чувства благодарности къ родителямъ,—что составляетъ основаніе порядка семейнаго. Такіе законы не противорѣчили новому христіанскому ученію, по смыслу котораго семейныя отношенія суть отношенія любви и взаимныхъ самымъ Богомъ установленныхъ обязанностей. Потому согласно римскимъ законамъ Василій Велик. гово-

ритъ въ 40 и 42-мъ пр. что „условія находящихся въ полновластіи другихъ не имѣютъ ничего твердаго“ и что „при жизни отца или господина совокупляющіеся не суть безъ вины, доколѣ имѣющіе власть надъ ними неизъявятъ согласія на ихъ сожительство, ибо тогда супружество получаетъ твердость“. Впрочемъ, если по смыслу древняго римскаго права не могло даже быть столкновенія между волею родителей и дѣтей, то въ послѣдствіи времени, когда связь семейная въ Римѣ ослабѣла, нельзя было закону обойти нѣкоторыхъ случаевъ этаго столкновенія. Родители легко могутъ желать для своихъ дѣтей непріятныхъ имъ браковъ по своеволію, предъубѣжденію и т. п. и отказывать въ своемъ согласіи на браки ими желаемыя. Это конечно между прочимъ имѣла въ виду церковь, стѣсняя раннія обрученія и настоятельно требуя, чтобы этотъ важный актъ совершался въ соотвѣтствующее время и примѣнительно къ наклонностямъ дѣтей. Чтобы требуемое закономъ согласіе родителей не могло служить ко вреду дѣтей, церковь не замедлила примкнуть къ тѣмъ новымъ законамъ грекоримскаго права, которыми дѣти въ своемъ свободномъ самоопредѣленіи при бракѣ брались подъ защиту противъ произвола родительскаго и опекунскаго. Такъ напримѣръ по законамъ этимъ отецъ, отказывая въ своемъ согласіи на бракъ сыну или дочери, долженъ былъ представить достаточныя для того причины. Причинами этими могли быть: дурная или распутная жизнь, значительно-грубые пороки, болѣзнь заразительнаго качества, рѣзкое неравенство возвраста или состоянія или такія приступленія, которыя по закону были въ числѣ препятствій къ браку. Если такихъ причинъ не оказывалось, а отецъ продолжалъ отказывать въ согласіи, въ

такомъ случаѣ онъ могъ быть понужденъ къ тому судебнымъ порядкомъ. Въ такомъ случаѣ согласіе, въ которомъ безъ причины отказано было отцемъ, восполнялось начальствомъ, и бракъ, заключенный съ судебнаго одобренія, не только получалъ твердость, но и удерживалъ за дѣтьми всѣ ихъ права. Точно также судъ замѣнялъ согласіе отца, если послѣдній, по какимъ либо не благороднымъ побужденіямъ или по безпечности, не заботился о браковступленіи дѣтей или безъ причины отдалялъ его. Церковь охотно пользовалась этими законами, такъ какъ и *апостольскія постановленія* предписываютъ родителямъ не отдалять на продолжительное время обрученія возмужалыхъ дѣтей, чтобы чрезъ это не дать имъ повода погрязнуть въ чувственности. Что касается до согласія въ брачномъ дѣлѣ матерей, то хотя римскіе законы и не считали его необходимымъ въ этомъ случаѣ, такъ какъ мать въ качествѣ жены сама состояла во власти мужа, однако же и законодатели и обычаи не отнимали у ней ея естественнаго права надъ дѣтьми и хорошій отецъ не рѣшалъ брака дочери, безъ согласія ея матери. Въ первый разъ только въ эклогѣ Льва Исаврянина требуется согласія матери на равнѣ съ согласіемъ отца. Церковь всегда представляла супружество какъ полное согласіе и единство супруговъ, и потому не могла дѣлать различія въ правахъ на дѣтей между отцемъ и матерью.

За смертію родителей ихъ мѣсто для дѣтей, не достигшихъ совершеннолѣтія, заступали опекуны и попечители (curatores). Послѣдніе придавались лицамъ, хотя бы и совершеннолѣтнимъ, но по малосмыслію или расточительности не способнымъ управлять собою такъ, чтобы съ ними безопасна была общественная мѣна правъ

и отношенiй. Согласно съ древнимъ римскимъ закономъ, полагавшимъ за совершенный возрастъ 25 лѣтъ, опекунъ придавался лицамъ до 25-ти лѣтняго возраста, попечитель же или кураторъ, если онъ былъ нуженъ, придавался правительствомъ и послѣ этаго возраста.

Что касается до отношенiй господъ къ бракамъ ихъ рабовъ, то хотя римскимъ юристамъ не чуждо было сознанiе, что по естеству всѣ люди и свободные и рабы равны, однако послѣднимъ гражданскими законами было предоставлено только сожительство (contubernium), и совсѣмъ былъ запрещенъ бракъ между свободнымъ и рабою. Начало сближенiя раба съ свободнымъ принадлежитъ времени Юстинiана, который призналъ бракъ рабыни съ свободнымъ, если господинъ выдавалъ ее замужъ съ предъявленiемъ, что она свободна. Бракъ самаго рабовладѣльца съ своею рабынею признавался лишь тогда, когда онъ давалъ ей свободу и заключалъ брачный актъ. Еще во времена императрицы Ирины (800 г.) всѣ дѣти, рожденные въ бракѣ, заключенномъ съ рабынею, считались какъ незаконнорожденные. До тѣхъ поръ, пока старые римскiе законы не потеряли силы и удерживались глубоко въѣвшiяся въ жизнь старыя общественныя отношенiя, до тѣхъ поръ церкви оставалось только не отказывать сопряженiямъ рабовъ въ нравственномъ значенiи, и считать ихъ въ христiанскомъ отношенiи тѣмъ же, чѣмъ были браки свободныхъ. Число свободныхъ людей съ христiанствомъ стало умножаться чрезъ вступленiе рабовъ въ духовное званiе, въ монашество, въ званiе военное, чрезъ воспринятiе ихъ господами изъ купѣли крещенiя, равно какъ и чрезъ законы, которыми воспрещалось свободнымъ людямъ отчужденiе своей свободы. Церковь однако долго еще должна была съ

большою осмотрительностію давать *благословеніе* бракамъ, заключаемымъ съ рабами или рабынями; потому что рабовладѣльцы не рѣдко брали назадъ свободу, данную ими рабамъ, и какъ мы видѣли, было общее мнѣніе, что обручальнымъ или вѣнчальнымъ молитвословіемъ отношенія рабовъ къ господамъ уничтожаются.

Кромѣ того, при сообщеніи таинства брака церковь должна была обращать вниманіе на тѣ гражданскіе законы, которыми въ извѣстныхъ случаяхъ, по особенному отъ давнихъ временъ наслѣдованному соціальному строю, или запрещались или дозволялись браки между тѣми или другими лицами. Такъ законами запрещались браки лицъ принадлежащихъ къ высшимъ сословіямъ съ вольноотпущенными и вообще браки съ людьми, заслужившими по суду ссылку или другія наказанія.

Тѣ же законы въ томъ или другомъ видѣ опредѣляютъ браки и у насъ. Брачныя сопряженія, совершившіяся по насилію или обману одного изъ брачившихся, законными и дѣйствительными не признаются. (Уст. дух. консисторіи ст. 207). Согласіе со стороны жениха и невѣсты должно при обрученіи быть произнесено открыто, ясно и опредѣленно. Въ случаѣ доказаннаго путемъ гражданскаго суда насилія или обмана, бракъ долженъ быть расторгнутъ духовнымъ начальствомъ.

Но съ другой стороны, чтобы предотвратить браки по легкомыслію, неразумному влеченію молодости или неопытности, отчего могло бы произойти множество несчастій и безпорядковъ въ семейной и общественной жизни, въ сводѣ гражданскихъ законовъ и нашего отечества, согласно древнимъ гражданскимъ и церковнымъ правиламъ, запрещается вступать въ бракъ безъ дозволенія родителей, опекуновъ или попечителей (к. X ч. т.

6). Правда въ законѣ неопредѣлено, до какихъ лѣтъ дѣйствуетъ это запрешеніе, но какъ полное гражданское совершеннолѣтіе полагается въ 21 годъ, и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (черниговской и полтавской), дочери достигшей этого возраста дозволяется искать судебнымъ порядкомъ права и свободы вступать въ бракъ, если тому препятствуютъ родители или опекуны, то по этому можно судить, что запрещеніе вступать въ бракъ безъ согласія родителей или опекуновъ относится къ лицамъ, недостигшимъ полнаго гражданскаго совершеннолѣтія *), и уже ни какъ не относится къ лицамъ, пріобрѣтшимъ самостоятельное положеніе или по имуществу или по службѣ. Послѣднимъ даетъ дозволеніе на бракъ мѣстное начальство, точно такъ какъ купцамъ, мѣщанамъ, купчихамъ и мѣщанкамъ свидѣтельство на бракъ даетъ купеческая или мѣщанская управа.

Когда при существованіи крѣпостнаго права, крестьяне были sui juris, то на бракъ ихъ требовалось закономъ согласіе ихъ владѣльцевъ. Съ отмѣною крѣпостнаго права, въ 1862 году, удостовѣреніе въ безпрепятственности браковъ ихъ выдается имъ сельскими волостными управленіями.

По нашимъ гражданскимъ законамъ также не позволяется вступать въ бракъ арестантамъ холостымъ или вдовцамъ, въ арестанскихъ ротахъ инженернаго и гражданскаго вѣдомствъ содержащимся, во все время нахожденія ихъ въ сихъ ротахъ.

---

*) См. практическое изложеніе церковно-гражданскихъ постановленій стр. 160—162 Алексѣя Парвова.

ПОСѢЩЕНІЕ КІЕВСКОЙ СВЯТЫНИ

Его Императорскимъ Высочествомъ Благовѣрнымъ Государемъ, великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ старшимъ.

Кіевъ, Іерусалимъ Русской земли, всегда привлекалъ и привлекаетъ къ себѣ благочестивыхъ поклонниковъ отъ Востока, Сѣвера и Юга обширнаго православнаго царства. Кіевъ, столица св. равноапостольнаго Владиміра, усыпальница первыхъ поколѣній его святаго рода, въ числѣ поклонниковъ своихъ всегда имѣлъ счастіе видѣть и вѣнценосныхъ потомковъ св. Владиміра, наслѣдниковъ его державы. Петръ I-й, Елисавета, Екатерина II-я, Павелъ I-й, еще въ званіи Наслѣдника престола, и Александръ Благословенный притекали благоговѣйно къ святынѣ кіевской и здѣсь испрашивали благодатной помощи себѣ и своему царству, оставляя щедрые дары церквамъ и городу. Такъ о неоднократномъ пребываніи Петра великаго въ Кіевѣ громко говорятъ—возобновленная его щедротами послѣ страшнаго пожара великая лаврская церковь, тріумфальная колокольня кіево-софійскаго собора и печерская цитадель; памятникомъ посѣщенія Кіева императрицей Елисаветой Петровной остается чудное зданіе Андреевской церкви;

богатыя приношенія Екатерины великой, проведшей въ Кіевѣ всю зиму 1787 года, сохраняются въ ризницахъ кіево-печерской лавры и кіево-софійскаго собора; о милостяхъ къ Кіеву Александра Благословеннаго свидѣтельствуетъ колонна, воздвигнутая усердіемъ кіевскихъ гражданъ надъ крещатицкимъ источникомъ. Но Кіевъ въ особенности осчастливленъ былъ высокимъ милостивымъ къ себѣ вниманіемъ въ Бозѣ почившаго, благочестивѣйшаго Государя, Императора Николая I-го, который, удостоивая Кіевъ весьма частыхъ посѣщеній, возсоздалъ и украсилъ его послѣ многовѣковаго, до нашихъ дней почти продолжавшагося, запустѣнія. Университетъ св. Владиміра, Владимірскій кадетскій корпусъ, крѣпость, Николаевскій цѣпной мостъ чрезъ Днѣпръ,— вотъ вѣковые памятники особой любви Николая I-го къ граду св. Владиміра.

Эта любовь отъ незабвеннаго Государя видимо перешла и къ достойнымъ Его славы Августѣйшимъ сыновьямъ, сопутствовавшимъ благочестивѣйшему своему родителю во время посѣщеній Кіева.

Кіевъ имѣлъ уже счастіе въ 1857 г. видѣть въ себѣ свою возлюбленную, Богомъ вѣнчанную Императорскую чету, на другой годъ послѣ ея коронаціи, и мы увѣрены, что только угрожавшее, и къ общей печали не миновавшее Царствуюшаго Дома, горе замедлило вторичное посѣщеніе Кіева Государемъ Императоромъ и Государынею Императрицей, обѣщанное ими въ Бозѣ почившему митрополиту Филарету.

Какъ бы въ утѣшеніе за это лишеніе и въ залогъ счастія опять увидѣть обожаемаго Монарха, Кіевъ, 30-го августа, въ день тезоименитства Государя

Императора, былъ обрадованъ прибытіемъ любезнѣйшаго Его брата, Его Императорскаго Высочества, благовѣрнаго Государя, великаго князя Николая Николаевича, памятнаго Кіеву личнымъ открытіемъ цѣпнаго моста въ 1852 г. и своими чертами такъ живо напоминающаго намъ о незабвенномъ родителѣ своемъ, благодѣтелѣ Кіева.

Его Высочество, благоволивъ прибыть въ нашъ городъ въ 11½ часовъ утра и будучи встрѣченъ у подъѣзда генералъ-губернаторскаго дома высшими военными чинами, принявъ почетный караулъ, стоявшій здѣсь съ знаменемъ и полной музыкой, у входа въ домъ былъ привѣтствованъ г. начальникомъ губерніи; здѣсь же городской глава съ обществомъ поднесли хлѣбъ-соль и удостоились представленія: попечитель учебнаго округа, губернскій предводитель дворянства, вице-губернаторъ, и нѣкоторые чины. При входѣ въ верхніе, назначенные для квартиры Его Высочества покои, на площадкѣ богато убранной тропическими растеніями лѣстницы, ведущей также и въ церковь, великаго князя ожидали супруга главнаго начальника края, супруга начальника губерніи и нѣсколько дамъ. Первый шагъ Его Высочества у своей квартиры былъ молитвенный: великій князь соблаговолилъ первѣе всего вступить въ домовую церковь, посвященную имени св. Николая, и приложившись къ кресту, поднесенному настоятелемъ церкви, по окропленіи св. водой, изволилъ слушать краткое молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому. По выходѣ великаго князя изъ церкви, причтомъ совершено благодарственное Господу Богу молебствіе о благополучномъ прибытіи Его Высочества въ нашъ градъ.

Послѣ сего, можно сказать, домашняго молитвословія, принесена болѣе торжественная молитва въ св. кіевопечерской лаврѣ, куда великій князь поспѣшилъ прибыть изъ квартиры, чтобы присутствовать при молебствіи по случаю дня тезоименитства Государя Императора и поклониться хранящейся здѣсь святынѣ.

Предъ лаврскими св. воротами, у которыхъ вратаремъ былъ нѣкогда св. Никола—Святоша князь черниговскій, Его Высочество былъ встрѣченъ настоятелемъ лавры, высокопреосвященѣйшимъ Арсеніемъ, митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ, съ полнымъ соборомъ лаврской братіи, съ святыми иконами и хоругвями, при многочисленномъ стеченіи народа, и привѣтствованъ краткою, полною глубокаго сочувствія, рѣчью. *) За тѣмъ великій князь, приложившись къ поднесенному митрополитомъ животворящему кресту и принявъ окропленіе св. водою, въ предшествіи митрополита съ лаврскимъ и градскимъ духовенствомъ и въ сопровожденіи многочисленнаго народа, при пѣніи пѣвчими тропаря: Спаси Господи люди твоя и проч., изволилъ вступить въ самую лавру и шествовать по направленію къ великой лаврской церкви, гдѣ, выслушавъ обычное молебствіе о здравіи и благоденствіи Государя Императора и всего Царствующаго Дома, изволилъ прикладываться къ древнѣйшей лаврской святынѣ—чудотворной иконѣ Успенія Пресвятыя Богородицы и св. мощамъ благовѣрнаго и равноапостольнаго князя Владиміра, родоначальника Царствующаго Дома и просвѣтителя русской земли, къ мощамъ святителя Михаила, 1-го митрополита кіевскаго, сотрудника св. Владиміра въ просвѣщеніи Россіи

---

*) См. Рѣчь на стр. 702-й.

свѣтомъ христіанства и къ ракѣ препод. Θеодосія первоначальника обители вмѣстѣ съ преподобнымъ Антоніемъ. По выходѣ изъ церкви, Его Высочество удостоилъ своимъ посѣщеніемъ высокопреосвященнаго митрополита въ лаврскихъ настоятельскихъ келліяхъ, гдѣ изволилъ кушать чай и раздѣлить предложенный его высокопреосвященствомъ завтракъ. Оставляя лавру, великій князь почтилъ маститаго архипастыря нашего приглашеніемъ къ своему обѣденному столу, которое потомъ милостиво повторено и на третій день—1-го сентября.

Изъ лавры Его Высочество изволилъ посѣтить кіево-софійскій соборъ и кіево-михайловскій монастырь, бывъ встрѣченъ въ первомъ высокопреосвященнымъ митрополитомъ, а въ послѣднемъ преосвященнымъ Порфиріемъ, епископомъ чигиринскимъ, викаріемъ кіевской митрополіи. Поклонясь мощамъ нетлѣнно здѣ почивающихъ священномученика Макарія и великомученицы Варвары, въ софійскомъ соборѣ великій князь изволилъ обратить вниманіе на стоявшее у амвона знамя св. Владимірскаго братства и соблаговолилъ принять званіе почетнаго члена братства.

Бѣдствіе пожара, постигшее домъ одного изъ священниковъ Кіева, показало кіевлянамъ готовность великаго князя спѣшить на помощь страждущимъ. При первомъ заревѣ, усмотренномъ во время вечерней прогулки Его Высочества по городу, Царскій Братъ не умедлилъ лично прибыть на отдаленное мѣсто пожара и оставался здѣсь, пока не миновалась опасность, лично поощряя пожарныхъ и рабочихъ употребить всѣ усилія, чтобы уменьшить дѣйствіе огня и охранить дома сосѣднихъ жителей.

Утро слѣдующаго дня, 31-го августа, посвящено

было молитвѣ св. угодникамъ, почивающимъ въ кіевскихъ пещерахъ. Его Высочество прибылъ сюда въ 7-мъ часовъ утра и отслушавъ литургію въ пещерной церкви преподобнаго Антонія, обошелъ пещеры въ предшествіи высокопреосвященнаго митрополита, съ глубокимъ благовѣніемъ полагая земные поклоны предъ каждой ракой св. угодниковъ.

Укрѣпясь молитвой о себѣ, о своемъ семействѣ и о всемъ Царствующемъ Домѣ, исполнивши первѣе всего долгъ благочестія, Его Высочество, съ 9-ти часовъ того же дня, по выходѣ изъ пещеры, перешелъ къ исполненію долга служебныхъ своихъ обязанностей по обозрѣнію саперныхъ работъ и частей войскъ, находящихся въ Кіевѣ.

2-го сентября, въ 6-ть часовъ утра, великій князь изволилъ отбыть изъ Кіева по пути въ Переяславль, оставивъ на долго въ жителяхъ Кіева воспоминаніе о своемъ глубокомъ благочестіи и трогательномъ сочувствіи къ несчастію ближняго.

Да будетъ благословенъ путь Твой, благовѣрный и благочестивый Князь! да дастъ Тебѣ Господь по сердцу Твоему и да исполнитъ вся хотѣнія Твоя, Твоимъ благочестіемъ молитвенно повергнутыя у престола Господня въ Сіонѣ Богоспасаемаго града нашего. Да благословитъ Тя Господь отъ вышняго Сіона, и узриши благая во вся дни живота Твоего, а примѣръ Твоего высокаго благочестія да возбуждаетъ къ тому же и насъ часто, но, можетъ быть, не всегда внимательно проходящихъ по священнымъ путямъ близкой къ намъ святыни.

РѢЧЬ

При встрѣчѣ Его Императорскаго Высочества, великаго князя Николая Николаевича Старшаго, предъ святыми вратами кіево-печерскія лавры, 30 августа 1865 г. произнесенная синодальнымъ членомъ, високопреосвященнымъ Арсеніемъ, митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ.

Благовѣрный Государь и великій князь! величіе земное тогда только прочно и надежно, когда утверждается на благочестіи: *сѣмя свято*, по словамъ пророка, *стояніе его*.

Отрадно видѣть, что въ Твоемъ лицѣ и въ Твоемъ боголюбивомъ семействѣ то и другое легко и удобно совмѣщается, не стѣсняя и не вытѣсняя одно другаго, но взаимно себя поддерживая, возвышая и украшая. Это двойной вѣнецъ на главѣ Твоей, сугубымъ блескомъ сіяющій. Ибо что иное привело Тебя нынѣ въ сію смиренную обитель, какъ не благочестивое желаніе, прежде всего вознести свои молитвы къ Богу дивному во святыхъ своихъ, въ самомъ тлѣніи проявляющихъ нетлѣніе и въ нѣдрахъ смерти безсмертіе съ силою и славою многою, и потомъ уже приступить къ дѣламъ своего служенія, да совершатся и благоустроятся, при Его всесильной помощи и предстательствѣ святыхъ

Его, къ концу желанному — ко благу церкви и царства Русскаго.

Вниди убо, благовѣрный и великій Князь, въ сіе древнее святилище, непрерывнымъ рядомъ чудесъ благодати въ теченіе болѣе восьми вѣковъ ознаменованное и прославленное и пріими даръ благодати, независтно подаваемый всѣмъ искренно желающимъ и ищущимъ его, и всеблагій Господь дастъ Ти вся по сердцу Твоему и весь совѣтъ Твой исполнитъ.

ШКОЛЬНОЙ СТИХОТВОРНЫЙ ОПЫТЪ ВЪ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ ВРЕМЕНЪ 1719—20 г. г.

Это одно школьное пiитическое упражненіе, писанное 1719—20 г. г. ученикомъ пiитики въ кіевской академіи Андреемъ Гарасимовичемъ, какъ видно изъ подписей подъ слѣдующими за симъ упражненіями *). По начальнымъ выраженіямъ и содержанію упражненія, можно сказать, что это *ревнивый плачъ* Россіи Малой противъ тѣхъ ея сыновъ, которые увлекались въ тѣ времена *ляхолюбіемъ*, и тѣмъ сами предавали свою страну врагамъ ея. Оно писано на русскомъ и латинскомъ языкахъ, только латинскій текстъ не дошелъ до насъ въ цѣлости. Неизвѣстно, кому принадлежитъ мысль этого стихотворнаго упражненія, профессору ли пiитики, или самому ученику Гарасимовичу. Большею частію темы давались профессорами; но иногда дозволялись ученикамъ стихи и изъ своего предложенія; „дозволяется“,—

---

*) См. рукоп. библ. кіевской семинаріи № 615. № здѣсь выставляется такой, подъ какимъ значилась эта рукопись въ библіотекѣ пустынно-николаевскаго монастыря, откуда перевезена вмѣстѣ съ другими рукописями въ семинарію при бывшемъ ректорѣ ея архимандритѣ Антоніѣ, нынѣ епископѣ смоленскомъ; доселѣ эти рукописи не приведены въ порядокъ и не внесены въ семинарскій каталогъ.

говорятъ „правила для сочиняющихъ стихи“,—„сочинять стихи и изъ своего предложенія, но тѣмъ только, которые изъ назначеннаго сочинять могутъ“ *). Но кому бы ни принадлежала мысль разсматриваемаго нами упражненія,—профессору, или самому ученику Гарасимовичу,—оно рѣзко выступаетъ изъ ряда обыкновенныхъ упражненій и, вопреки обыкновенному ихъ характеру, затрогиваетъ современные, общественные вопросы. Оно сильно вооружается противъ какихъ-то ляхолюбцевъ своего времени изъ среды самыхъ сыновъ Малой Россіи, которые хотѣли предаться полякамъ, вездѣ ихъ хвалили и хотѣли быть уніатами, а вѣрныхъ порицали и чуть „не палили“, по выраженію Гарасимовича. Отъ лица Малой Россіи Гарасимовичъ припоминаетъ ляхолюбцамъ тѣ бѣдствія, какія терпѣла она отъ поляковъ, и отъ какихъ только-что освободилъ ее Богданъ Хмѣльницкій, тѣ бѣдствія, когда и самыя церкви отдаваемы были въ аренду жидамъ. Въ этомъ отношеніи разсматриваемое нами упражненіе въ описаніи польскихъ неправдъ сходится съ народными южнорусскими думками о томъ же предметѣ. „Дума о жидовскихъ откупахъ и о войнѣ изъ-за нихъ“ говоритъ между прочимъ такъ:

Ище жъ то жиди—рандари
У тому не перестали:
На славній Україні всі козацькі церкви заорандовали.
Которому бъ то козаку, альбо мужику давъ Богъ дитину появити,
То не йди до попа благословитьця,
Да пійди до жида—рандара, да положь шостакъ, щобъ позволивъ церкву отчинити,

*) Ркп. кіево-софійск. № 489.

Тую дитину охрестити.

Ище жъ то которому бъ то козаку, альбо мужику давъ

Богъ дитину одружити,

То не йди до попа благословитьця

Да пойди до жида—рандара, да положь битий талярь,

щобъ позволивъ церкву очинити

Тую дитину одружити... *)

—Упражненіе также говоритъ, что—

. . . . . . „Жиды проклятые

Держали церкви святые,

И отъ святой креста бани (т. е. крещенія)

Вытягали у насъ дани, и проч.

„Думы о Бѣлоцерковскомъ мирѣ и о войнѣ съ поляками“ говорятъ, что и самые брачные узы малороссіяно скверняемы были поляками.

Упражненіе Андрея Гарасимовича нѣсколько ослабляетъ мысль думы, но въ общемъ согласно съ нею:

„Ни ще вольно зъ насъ никому

Не было, кромь жены въ дому“.

Такимъ образомъ упражненіе сходится по содержанію и характеру съ народными думами, и потому имѣетъ народный характеръ. Вотъ это упражненіе:

„О, Боже мой милостивый!

Воззри на плачь мой ревнивый!

Гдѣ бѣдница есть такая,

Якъ я Россія малая?

Вси маткою называютъ,

А не вси за матку маютъ:

Другій хощетъ загубити,

Въ лозци воды утопиты **).

---

*) Записки о Южн. Руси т. I. стр. 57. сн. стр. 166.

**) По латинскому тексту: minima occasione evertere.

Бо чи треба жъ лучшои муки,
    Якъ подати ляхомъ въ руки?
Давно вони гострять зубы,
    Давно моеи ищуть згубы.
А вы дѣти якъ чужіи,
    Садите ихъ мыни на шіи.
Охъ, якъ скоро вси загубили,
    Що и видѣли и чули,—
Якъ подъ тими ворогами
    Стогнала я тяжко з вами,
Стогнала я ни отрады,
    Не мѣючи ни порады,
Коли жиды проклятыи
    Держали церкви святіи,
И отъ святои креста бани
    Вытягали у насъ дани;
Священниковъ забивано,
    Кровъ Господню проливано.
И то добре частовали,
    Якъ и сами описали.
Ни що вольно зъ насъ ни кому
    Не было кромь жоны въ дому. *)
И тое бы уже стало,
    Щобъ имя наше пропало,
Еслибъ Богданъ, мужъ избранный
    Не былъ отъ Бога намъ данный.
Той тижъ племя проклятое
    Зкинулъ зъ мене ярмо злое,
И за мудрымъ самъ совѣтомъ
    Поставилъ подъ крѣпкимъ щитомъ,
Подъ рукою царей славныхъ,

*) praeter uxorem domi tenere

Самодержцовъ православныхъ.
А вы, дѣтки,—охъ утиха!
Прошлаго схотѣли лиха.
Еще я крилъ не простерла,
Еще и слезъ не утерла,
А вамъ дитки жаль то стало,
Що я отдохнула мало.
Охъ мини бида! дѣтей лаю, *.)
Не знать, що зъ жалю гадаю.
Ой, не сыны вы, не дѣти:
Хощуть мене загубити.
Ляхолюбци, лихолюбци!
Тіи мои, тіи згубци!
Якъ саранча налетила,
Домы и церкви посквернила.
Куда пойдешь, Ляхивъ хвалятъ,
Вѣрныхъ тилько що не палятъ; **)
Прости уши набиваютъ,
Лихомъ ядомъ заражаютъ;
Безъ хвалъ ляцкихъ а ни слова,
Ідять чи пьють—о нихъ мова.
Знайте жъ дитки родимыи,
Якъ вы имже любиміи;
Ідятъ и пьютъ и голкуютъ,
Еднакъ ни въ чомъ не смакуютъ,
Що ляцкое имъ вдячно;
Хочь лядащо, то имъ смачно.
Хочуть бути уніяти,
Папу въ ногу цѣловати;

---

*) Лаю—infesto.
**) Пáлятъ—cremantur. Здѣсь кончается Латинскій текстъ.

Зъ ляхомъ весь духъ вся охота.
То и мудрость то и цнота.
Тыи теперь хощутъ цило
Привести замыслъ свой въ дило,
Тыи мене загубити
Мыслятъ. Не вы мои диты!
Да и на васъ нарекаю,
И на самихъ васъ жаль маю,
Що съ такими дружба ваша,
А не вдячна любовь наша.
Що видите у мосци,
Опричь дурной хвастливости?
Що мини за сынъ, що зъ врагами
Серце его, а не зъ нами?
Не той то сынъ мини здарився,
Що въ моемъ доми родився:
Нехай придеть изъ за свита,
Да мини жичитъ многа лита!
Той мини будетъ сынъ любимый,
Не иначе, якъ родимый.
Сежъ, дѣти, вы глядите
Ляхолюбцивъ не любите:
Поти добра намъ не буде,
Поки у насъ тіи люде.
Нехай идуть на сухій лисъ,
Куда гордый зоветъ ихъ бисъ;
Нехай идутъ славить папу,
. . . . его лизать лапу;
Нехай же имъ безголовье,
А намъ кажучи на здоровье.

Описываемое упражненіемъ состояніе малороссійскаго общества, — надо полагать, продолжалось и далѣе 1720-хъ годовъ. Въ 1728 году въ кіевской академіи

явилась драма, подъ заглавіемъ: „Милость Божія Украину отъ неудобъ носимыхъ обидъ лядскихъ чрезъ Богдана Зѣновія Хмельницкаго преславнаго войскъ Запорожскихъ гетмана свободившая и дарованними ему надъ ляхами побѣдами возвеличившая, на незабвенную толикихъ его щедротъ память репрезентованная во училищахъ кіевскихъ 1728-мъ году“ *). Эта высоко-патріотическая и

*) Первое свѣдѣніе о ней сообщено Максимовичемъ въ Русск. Бесѣд. 1857 г. кн. I. въ стат. «воспоминаніе о Богданѣ Хмѣльницкомъ.» За тѣмъ она издана Бодянскимъ съ 1858 г. въ чтеніяхъ импер. общ. истор. и древн. Мы нашли экземпляръ ея при реторикѣ 1727—28 г. г., преподанной въ кіевской академіи Стефаномъ Калиновскимъ рядомъ съ другой пьесой: «мудрость предвѣчная» 1703 г. библ. кіевск семин. № 608. Максимовичь думаетъ, что эта пьеса принадлежитъ Ѳеофапу Прокоповичу, потому что 1) два списка ея помѣщаются въ двухъ рукописныхъ сборникахъ сочиненій Прокоповича, и при томъ въ обоихъ вслѣдъ за драмою его «Владиміръ.» 2) въ нихъ одинъ и тотъ же художественный пріемъ съ тою, развѣ, отмѣною, что во «Владимірѣ» примѣтенъ молодой академическій учитель поэзіи, а въ «милости Божой» видѣнъ уже многоопытный витія, взявшійся за свое прежнее стихотворное перо? Но О. Бодянскій вопросъ описателѣ этой драмы считаетъ еще не рѣшеннымъ, и справедливо: 1) списки ея помѣщаются и не между сочиненіями Прокоповича, при томъ же часто разновременныя и принадлежащія различнымъ авторамъ драмы помѣщаются рядомъ въ однихъ сборникахъ и относятся одна къ другой какъ подраженіе къ оригиналу; 2) по живости содержанія, «милость Божія,» дѣйствительно, сходна съ Владиміромъ» и даже гораздо выше его, а потому вполнѣ достойна пера великаго іерарха. На сей часъ представленное нами упражненіе, имѣющее одну общую мысль съ «милостію Божіею», раскрываетъ такія обстоятельства изъ тогдашней жизни Малороссіи, которыя способны были вдохновить всякаго истиннаго сына Россіи и поставить даже выше Ѳ. Прокоповича. Да и самый языкъ «милости Божіей» отличается отъ языка «Владиміра» большимъ употребленіемъ польско-малорусскихъ словъ. Вообще странно предположеніе Максимовича, будто бы Ѳеофанъ Прокоповичь, жившій тогда

одушевленная драма расказываетъ о войнахъ Хмѣльницкаго съ поляками и подданствѣ Малароссіи московскому государству, можетъ быть, имѣя въ виду ляхолюбцевъ, о которыхъ говоритъ упражненіе. Какъ тамъ авторъ упражненія хочетъ уврачевать ляхолюбіе изображеніемъ утѣсненій со стороны поляковъ и значеніемъ подвига Хмѣльницкаго, такъ и здѣсь обиды отъ поляковъ и возстаніе противъ нихъ Малороссіи составляютъ главный предметъ драмы. Такимъ образомъ обстоятельства, описываемыя упражненіемъ Андрея Гарасимовича, составляютъ главный нервъ драмы „Милость Божія.“

Н. Петровъ.

въ столицѣ и обременный прямыми своими занятіями, рѣшился писать драму для кіевскихъ училищъ. Кому же принадлежитъ она? Принимая во вниманіе обычай—учителю піитики писать драмы для рекреаціи, можно думать, что она писана учителемъ піитики, преподававшимъ въ 1727—28 г. г. А въ 1727 г. учителемъ реторики въ кіевской академіи былъ Калиновскій, піитики Иннокентій Нероновичъ. Неизвѣстно, кто былъ учителемъ піитики въ 1728 г.; но отъ 1729 г. дошла до насъ піитика, преподанная Ѳеофаномъ Трофимовичемъ. ркп. кіево-соф. № 477. Можетъ быть, онъ писалъ «милость Божію»; только одноименность и сходство ли пофамилій съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, а также и высокое достоинство драмы заставили приписывать ее послѣднему и помѣщать во сборникахъ его сочиненій. Въ началѣ піитики Ѳеофана Трофимовича замѣчено: «сеей почти книги конца не машь; salt: de epistolis et adhuc alia hic non habentur adminicula, quae per sequentem occasionem mittam. Значитъ, существовали какія-то приложенія къ піитикѣ Ѳеофана Трофимовича, къ сожалѣнію, до насъ не дошедшія.

Печат. дозв. Кіевъ. 24 сентября 1865 г. Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

Въ Типографіи **Федорова.**

